

Возрастные когорты в период институциональных изменений в России¹

Институциональные изменения в экономике России вызвали к жизни новые социальные практики, которые отразили в себе разновекторность в проведении институциональных реформ. Оценки успешности и неуспешности реформ, с точки зрения представителей различных социальных групп, различаются. Интересен возрастной аспект этого разделения — какие возрастные когорты стали за годы реформ акторами трансформации к рынку, смогли апробировать новые модели поведения и достигли при этом положительных результатов, реализовали свой личный потенциал и использовали общественный вектор развития, а какие группы оказались в социальном лифте, идущем вниз? Априори можно сказать, что ни одна возрастная когорта не осталась индифферентна в период общественных трансформаций.

Для своего анализа я использовала данные трех сопоставимых эмпирических исследований, проведенных по всероссийской выборке в 1990, 1994 и 1998 гг. Исследования были проведены в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И.Лапина. Объем выборки составил соответственно 997, 1054 и 1100 респондентов².

Первое исследование было осуществлено в 1990 г., когда Россия еще входила в состав СССР, официально не признавалась частная форма собственности на средние и крупные предприятия, нарастал дефицит всех товаров. Практически единственной массовой формой предпринимательства были кооперативы и арендные предприятия, которые, по мнению большинства населения, были связаны с теневым производством. В этих условиях доли сторонников рыночной и плановой экономики были довольно близки, но с небольшим преобладанием (на 7%) "рыночников" во всем массиве опрошенных. Это произошло, может быть, оттого что вопрос был сформулирован исходя из "правильного и подробного" представления о рыночной

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ согласно проекту № 02-03-18327а.

² Компьютерная обработка данных — кандидат психологических наук В.П.Горяинов.

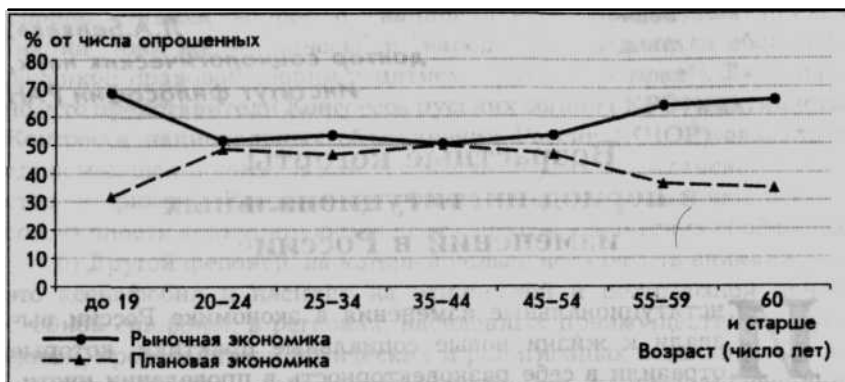

Рис. 1. Соотношение сторонников плановой и рыночной экономик (1990 г., в % от числа опрошенных, сделавших определенный выбор)

экономике¹, а наше взрослое население достаточно трезво и консервативно оценивало свои шансы на успех в конкурентной среде. Одновременно только менее 17% опрошенных не смогли определить, что они предпочитают — рыночную или плановую экономику. Наибольшее число "неопределившихся" в группах до 19 лет и старше 55 лет, но эти группы сосредоточили в себе и большую долю сторонников рынка. Если же не учитывать тех, кто не смог сделать определенный выбор или отказался от ответа, то в возрастных когортах соотношение сторонников плановой и рыночной экономики может быть представлено на рисунке 1.

Как видим, все возрастные когорты, кроме крайних, имели близкие оценки двух типов экономик — плановой и рыночной. При преобладании выбора рыночной экономики во всех группах, кроме групп 20-24 и 35-44-летних, где обе группы равны, число ее сторонников заметно больше в группах, еще или уже не связанных с производством (до 19 лет и пенсионного возраста). Такое распределение дает основание предполагать, что население в целом весьма смутно представляло себе, что такое рынок, какие преимущества он может дать тем, кто работает, и тем, кто находится на иждивении. Реального включения в рыночные отношения большая часть населения еще не испытала на своей практике.

Одновременно основная масса населения осуждала теневые отношения, которые ассоциировались с деятельностью новых экономических субъектов — кооперативов, арендных предприятий и т.д.

¹ Мы спросили респондентов: "Что бы Вы выбрали лично для себя: рыночную экономику, где оплата труда определяется только спросом и предложением на рабочую силу и люди могут получить работу только тогда, когда их квалификация соответствует работе, или плановую экономику, при которой оплата труда работника устанавливается правительством и люди всегда могут получить работу, хотя это не всегда может быть та работа, которой они хотели бы заниматься?"

Так, в 1990 г. 61% респондентов считали, что теневая экономика паразитирует на средствах труда, созданных народом, и только 23% отмечали, что теневая экономика восполняет тот дефицит, который не обеспечивает государственное производство. Положительно к своим знакомым, занятым в теневой экономике, относились 3,6% опрошенных, а 68,6% сказали, что не имеют таких знакомых. Более 60% отметили, что ни при каких условиях не будут участвовать в теневой экономике. Но группа молодых людей до 35 лет имела другое мнение о теневой экономике, чем большинство граждан. Так, в ней было на 10-15 пп. меньше тех, кто считал теневую экономику паразитической, и почти на 20 пп. больше тех, кто видел достоинство теневой экономики в производстве недостающих товаров. В три раза было больше тех, кто положительно относился к своим знакомым, занятым в теневой экономике. Каждый пятый представитель этой группы считал для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе 6% видели себя в роли ее организаторов.

Особенно выделялась группа лиц, имеющих неполное высшее образование, представленная в основном студентами: почти 70% ее были ориентированы на рыночную экономику; почти 80% высказались за большую дифференциацию доходов в зависимости от результатов труда; почти 75% — за свободу экономической деятельности. По сравнению со средними по массиву, эти показатели были выше на 10-15 пп. Наконец, лишь 39% студентов не имели в теневой экономике знакомых и относились к ней наиболее благосклонно; 14% считали для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе 10% — в качестве организаторов. В целом же по всему массиву таких было немногим более 1%. Уже в начале 90-х годов молодежь активно осваивала новые, не всегда официально одобряемые практики экономического поведения и это обучение дало многим из них весомые материальные результаты.

Данные нашего второго всероссийского исследования 1994 г. показали, что, несмотря на острейший кризис, первые разочарования населения в результатах приватизации, молодежь в эти годы не утратила в большинстве своем положительного настроения на продолжение реформы и более 30% даже отметили улучшение своего материального положения. В других возрастных группах картина была менее оптимистичной.

Что же произошло с возрастными когортами по прошествии восьми лет реформ? Прежде все заметна дифференциация в отношении к реформам, к плановой и рыночной экономике. Эта дифференциация явилась следствием материального расслоения и диверсификации стратегий адаптации к новым экономическим отношениям.

Остановимся на молодых возрастных когортах. Те молодые люди, которым в начале 90-х годов было менее 35 лет, через восемь лет, в 1998 г., распределились между двумя возрастными когортами:

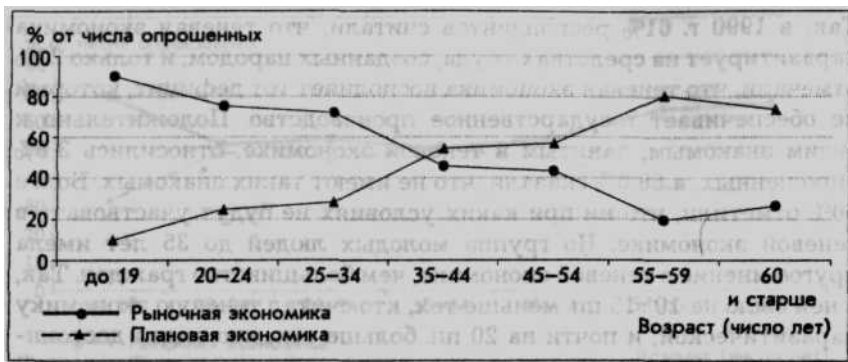

Рис. 2. Соотношение сторонников плановой и рыночной экономик (1998 г., в % от числа опрошенных, сделавших определенный выбор)

25-34 и 35-44 года. Их оценки реформ и своего материального положения стали более дифференцированными по сравнению с 1990 г. К тому же в это время вступили во взрослую жизнь возрастные когорты, которые прошли первичную и вторичную социализацию уже в годы реформ. Они образовали две когорты — до 19 лет и 20-24 года. Для выделенных когорт освоение новых реалий рыночной экономики существенно различалось. Сравнение данных исследований 1998 г. и 1990 г. позволяет наблюдать повышение оценок рыночной экономики во всех возрастных группах до 35 лет, снижение этих оценок у 35-54-летних и "обвал" в группах старше 55 лет (ср. рис. 1 и 2). Такая дифференциация оценок произошла вследствие реального включения в новые экономические отношения, а не умозрительного представления о рынке, отражает новое материальное положение и статус респондентов, эффективность выстраиваемых стратегий поведения в период трансформаций.

Не слишком большие отличия когорт 20-24 и 25-35 лет в степени предпочтения рыночной или плановой экономики заставляют говорить о близости положения этих групп в современной экономической ситуации. Как будет показано ниже, оценки показателей ими своего материального статуса близки по сравнению с расстоянием между ними и другими группами.

Другой аспект возрастной дифференциации отношения к институциональным изменениям в обществе фиксируется при ответах на вопрос: "Надо ли было начинать реформы или нет?"

Отношение тех, кто считает, что реформы надо было начинать и тех, кто придерживается противоположного мнения, в 1998 г. дифференцировалось по возрастным группам следующим образом: до 19 лет — 4; 20-24 года — 8,3; 25-34 года — 3,5; 35-44 года — 2,5; 45-54 года — 1,5; 55-59 лет — 1,2; 60 лет и старше — 0,9.

Практически во всех возрастных группах до 45 лет наблюдается значительный перевес сторонников реформ над их противниками, но в группе лиц от 20 до 24 лет он наиболее значим. В связи с этим обратим внимание на то, что в ней 25% составили лица, имеющие неполное высшее образование, в основном студенты, и около 25% — лица со средним специальным образованием. Их ответы свидетельствуют не только о готовности к включению в экономические отношения, порожденные реформой, но и к реальному освоению на практике. Как известно, среди студентов многие совмещают учебу и работу в новых частных компаниях.

Признание необходимости реформ молодыми когортами — это не умозрительное суждение, оно подкреплено весомыми материальными результатами. Именно молодежь и лица в раннем зрелом возрасте в большей степени почувствовали на своей собственной жизни новые возможности самореализации и поднятия материального статуса, открытые реформами. Удельный вес выигравших от реформ наиболее значим именно в этих возрастных когортах, затем он постепенно снижается и резко падает при достижении предпенсионного возраста (рис. 3). С возрастом, соответственно, растет число тех, кто считает, что проиграл от реформ. Группы в возрасте 35-54 года, несущие в любом обществе основную трудовую нагрузку, чувствуют себя проигравшими, несмотря на то, что они обладают практически одинаковым символическим капиталом в виде высшего образования, что и 25-34-летние. Но в условиях становления рыночной экономики преимущество дает не само образование, а его сочетание с молодым возрастом. Так, среди когорты 25-34-летних высшее и незаконченное высшее образование имели 33,5%, среди 35-44-летних — 25,3%, среди 45-54-летних — 33,1%,

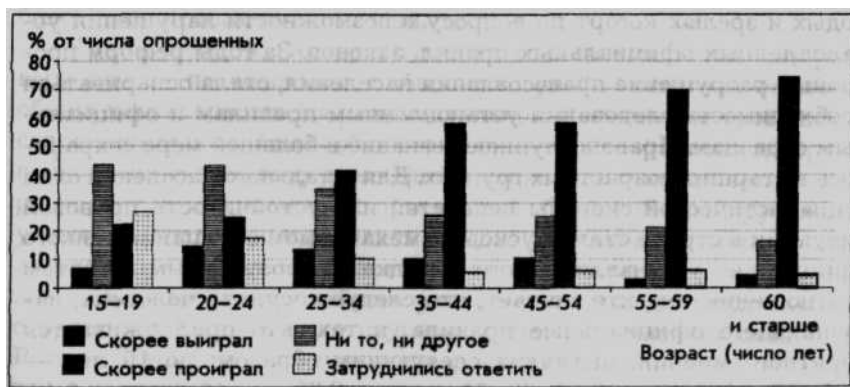

Рис. 3. Вы лично выиграли или проиграли от реформ? (1998 г.; в % от общего числа опрошенных)

но оценки ими влияния реформ на их жизнь существенно расходятся.

Распределение населения по материальным стратам также сильно зависит от возраста респондентов. Мы сжали шестиуровневую шкалу, по которой в интервью оценивался уровень материального положения респондентов, приведя ее к двум уровням. К первому, по нашей терминологии, условно относятся: "нищие", бедные, необеспеченные, а ко второму — обеспеченные, зажиточные и богатые. Оказалось, что при общем невысоком уровне жизни всего населения, более молодые когорты оценивают свое материальное положение выше, чем остальные.

Доля лиц, отнесших себя к обеспеченным, зажиточным или богатым, в группах моложе 24 лет составила 41%, 25-34 года — 31, 35-44 года — 23, 45-54 года — 30, 55-59 лет — 12 и 60 лет и старше — 13%.

Как видим, чем моложе были респонденты к началу реформ, тем более оптимистично оценивают они свое материальное положение. Резкий рост доли тех, кто попал в тяжелое материальное положение и проиграл от реформ, фиксируется в возрастной группе 35—44 года, достигая максимума в 60 лет и старше.

При этом характерно, что все возрастные когорты в трудоспособном возрасте используют активные стратегии повышения уровня жизни — работу в нескольких местах, разовые приработки, переквалификацию, занятие предпринимательством, но существенного улучшения своего положения удастся достичь более молодым. Кроме того, среди молодежи велика доля имеющих только один источник дохода, который позволяет иметь достаточно высокий уровень жизни. Молодежь до 35 лет чаще других занята в частном секторе в качестве наемных работников, причем здесь самая большая доля частных предпринимателей (4%).

Исследование 1998 г. выявило определенную консолидацию молодых и зрелых когорт по вопросу о возможности нарушения установленных официальных правил, законов. За годы реформ произошло разрушение правосознания населения, стала оспариваться необходимость следования установленным правилам и официальным образцам. Правопослушное сознание в большей мере сохранилось в старших возрастных группах. Для остального населения слом социалистической системы ценностей и неустойчивость правовой ситуации в стране стали пусковым механизмом отрицания всякого официально устанавливаемого порядка. По возрастным когортам соотношение тех, кто считает, что следует осудить человека, нарушающего официальные правила, и тех, кто придерживается обратного мнения, выглядит следующим образом: до 19 лет — 0,17; 20-24 года — 0,22; 25-34 года — 0,25; 35-44 года — 0,43; 45-54 года — 0,42; 55-59 лет — 1,11; 60 лет и старше — 0,9. Как видим, 35 лет — тот рубеж, когда особенно заметно меняется

нормативное сознание респондентов. Когорты, прошедшие период реформ в возрасте первичной и вторичной социализации, отличаются массовым отрицанием официально устанавливаемых норм поведения.

Далее рассмотрим отношение респондентов к предложенной в интервью альтернативе типа государства, которое обеспечивает свободу личности или личную безопасность. Возраст оказался тем социальным параметром, который определяет характер этого выбора (табл. 1). При этом выделяются сходные позиции двух когорт — 20-24 и 25-34 года и до 19 лет. Последняя — единственная, для которой государство, обеспечивающее свободу личности, имеет приоритет перед государством, обеспечивающим безопасность.

Какое государство Вы выбираете: то, в котором обеспечена свобода личности или личная безопасность)
(1998 г.; в % от общего числа опрошенных)

Таблица 1

Вариант ответа	Возраст (число лет)						
	до 19 лет	20-24 года	25-34 года	35-44 года	45-54 года	55-59 лет	60 лет и старше
Свобода личности	53,8	37,5	35,6	25,6	23,6	22,0	17,9
Личная безопасность	46,2	62,5	64,4	74,4	76,4	78,0	82,1

Наконец, молодые возрастные когорты значительно отличаются от зрелых и пожилых когорт отношением к либеральным ценностям. Например, в когорте до 19 лет право на эмиграцию считают важным более 90%, в когортах 20-24 и 25-34 года — соответственно 75 и 73,4%, а в каждой следующей когорте — примерно на 10 и более процентных пунктов меньше.

Таким образом, наряду с существованием поколений, которые выделяются по основаниям общности судьбы, сходства опыта и общих характеристик на индивидуальном и системном уровнях¹, в современном российском обществе сложились возрастные когорты, выделяющиеся по ряду важнейших социально-экономических характеристик и ценностных ориентаций. Определенным рубежом, условно разделяющим население на две укрупненные когорты, является возраст 35 лет. Первая когорта, объединяющая тех, кто моложе этого возраста, наиболее успешно освоила достигательные стратегии в процессе институционализации рыночной экономики в России. Здесь более успешно идет формирование либеральной системы ценностей, меньше влияние прошлого опыта, которого либо

¹ Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова М., 2001. С. 256-271.

не было (когорта до 19 лет), либо он был преодолен в процессе первичной и вторичной социализаций, пришедшихся на годы реформ (когорты 20–24 и 25–35 лет). Именно эта большая когорта получила наибольшие материальные выгоды в процессе реформ и в дальнейшем намерена повышать свой статус. Особенно выделяется когорта до 19 лет, которая прошла первичную социализацию уже в условиях становящегося рынка.

Вторая укрупненная когорта от 35 до 60 лет и старше — это люди, понесшие наибольшие социальные потери в первое десятилетие реформ. Большинство из них утратили прежний материальный и социальный статусы. Они вынуждены адаптироваться к рынку с использованием не самых эффективных стратегий. Их символический капитал в виде высокого уровня образования оказался невостребованным на первом этапе реформ. Внутри этой большой когорты существуют значительные различия, которые определяются наличием ресурсов выносливости и состояния здоровья для освоения новых социальных практик. Образование, опыт, квалификация, находившие применение в условиях социалистической экономики, оказались невостребованными в переходный период. Даже для наиболее молодой когорты 35–44-летних повышение материального и социального статусов является большой проблемой, несмотря на расширение социальных возможностей в связи с начавшимся экономическим ростом и оживлением производства. Многие из них полностью деквалифицировались, что делает их возврат к труду на промышленных предприятиях трудным, если вообще возможным, тем более с новыми требованиями, предъявляемыми рынком.

Итак, в последнее десятилетие XX в. социальное расслоение населения России происходит по различным параметрам, среди которых одним из наиболее значимых стал возраст. Более молодые возрастные когорты получили существенные преимущества перед другими в реализации своего потенциала в условиях становления рыночной экономики и воспользовались этими преимуществами. Они наиболее успешно осваивают новый частный сектор экономики, достигают успеха в реализации своих материальных притязаний, все более активно принимают либеральную систему ценностей, создают свой стиль жизни. Более старшие возрастные группы в основном стараются сохранить свой профессиональный статус, а для поддержания материального уровня прибегают к новым, не всегда эффективным стратегиям, дающим кратковременные эффекты. В условиях дальнейшей трансформации российского общества рассмотренные процессы социального развития возрастных когорт обладают значительной динамикой, к тому же существует их специфика в различных регионах, типах поселений, отраслях и секторах хозяйства, что сохраняет актуальность подобных исследований и в будущем.